

УДК 82

DOI: 10.34670/AR.2020.98.89.006

Апофатическое в русской культуре: постановка вопроса. От фольклора к литературе

Дударева Марианна Андреевна

Кандидат филологических наук, докторант,
Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация

В статье поднимается сложная философская проблема – рассматривается апофатическая составляющая русской культуры. Уделяется большое внимание языковым явлениям, лексическим единицам, несущим отрицательную семантику (невыразимый, несказанный, неведомый и т. д.), а также фольклорным образам, связанным с эстетикой невыразимого и иномирной действительностью. В русской литературе эстетику невыразимого открыл В.А. Жуковский. В статьях литературоведов и философов последних десяти лет отечественной гуманитаристики понятия «апофатика», «апофатический» употребляются достаточно широко, ученые выходят за рамки богословской сферы. С апофатикой в литературе связывают все необъяснимое, невыразимое с точки зрения доступных средств языка. Особенно апофатичны поэтические тексты, потому что поэзия метафорична, а за метафорой кроется миф. Это приводит исследователя к вопросам взаимоотношений литературы и мифа, к диалектической триаде «миф – фольклор – литература». В русском национальном образе мира апофатическая традиция сопряжена не только с возможным отрицанием определений божественной сущности, но и с фольклорным архаическим мировоззрением, с поисками «иноного царства», мортальной составляющей культуры. Танатос также трудно объяснить, как и другие формы Абсолюта (Красоту, Эрос), с которыми связывают апофатический эффект в поэтике В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, М.И. Цветаевой.

Для цитирования в научных исследованиях

Дударева М.А. Апофатическое в русской культуре: постановка вопроса. От фольклора к литературе // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 2А. С. 53-59. DOI: 10.34670/AR.2020.98.89.006

Ключевые слова

Русская культура, апофатическая традиция, невыразимое, русская литература, поэтика, фольклор, миф.

Введение

Необъяснимое и невыразимое всегда потенциально привлекают человека, так как дают ему возможность прикоснуться к тайному, сакральному и выйти из «профанной длительности бездуховного времени»¹ [Топоров, 1988, 11]. Для исследователя культуры и литературы такие константы важны, прежде всего, с позиций соединения реальной и космической (демиургической) художественной действительности, с позиций преломления реального в момент творческого акта, приводящего к формуле *a realibus ad realiora*, использованной символистом Вячеславом Ивановым.

Еще в античных учениях, в недрах богословия мы сталкиваемся с отрицанием определений сущности Бога, с его невыразимостью через земной язык. В трудах Дионисия Ареопагита дано обоснование апофатическому методу. Однако это не значит, что только в теологии применяется это понятие. В гуманитарной, особенно филологической, науке проявился за последние десятилетия большой интерес к апофатическим состояниям, которые усвоила из разных источников (религиозных, фольклорных, философских) литература, особенно поэзия. В одной из своих статей, посвященных поэтике Ф.М. Достоевского, В.В. Дудкин разбирает особый язык, невыразимый недоступный, который описывается во «Сне смешного человека». Исследователь предваряет свои рассуждения о русской литературе примерами из «Божественной комедии» Данте, для которого невыразимое было связано с невозможностью описать словами увиденное тайное, с ограниченными возможностями «языка человеческого вообще» [Дудкин, 2012]. По этим причинам для Данте визуальное обладает большим потенциалом по сравнению со словом, отсюда в его произведении частотен символ глаза, всевидящего ока. Кроме того, в мифологическую эпоху «свет» и «зрение» отождествлялись, через глаз познавался истинный свет [Афанасьев, 1996, 152]. У Достоевского же космическое, т. е. неземное транслируется через *молчание*, за которым ученый видит особый неземной язык. Герой получает знание о высшем *всем своим существом*, не через слово.

В.В. Дудкин подмечает особую двойственность в отношении писателя к слову. С одной стороны, это интимная связь со словом, с другой стороны, неудовлетворенность написанным – отсюда и вырастает особый герой Достоевского, потерявший слова. Именно поэтому писатель стал в своем роде «предвестником многочисленных экспериментов с языком от футуристической зауми до алитературных экзерсисов с отдельными буквами» [Дудкин, 2012, 112].

Роль фольклора и мифа в изучении апофатического

Если мы говорим о языке заумников, то необходимо указать на его тесную связь с фольклором, которую не скрывали и сами футуристы [Левинтон, 2005]. Сфера заумного в фольклоре, а значит во многом и *апофатического*, проявляется в разных жанрах. Это и детский фольклор, считалки, потешки, и обрядовый фольклор [Коршунков, 2002], и паремиологический языковой фонд. Лингвисты за последние два года также проявляют особый интерес к апофатике русского фольклора, обращая внимание на пласт лексики, связанный с семантикой «невыразимого» [Михайлова, 2016] (невообразимый, неописанный, несказанный, несказанно и

¹ Здесь используем понятие В.Н. Топорова, описывающего ритуальную ситуацию, в которой находится герой в пограничный момент приобщения к центру мира.

др.). Исследователи языка поэзии начала XX в. указывают на функционально значимый разряд неопределенных местоимений, создающих эффект смысловой амбивалентности и завуалированности [Цивьян, 1979]. Однако не только через язык достигается апофатический эффект, но и через образ, метафору, которая выросла из *символа и мифа*. Последнее, по тонкому наблюдению В.М. Жирмунского, особенно важно для понимания образности символистов, например А.А. Блока [Жирмунский, 1977, 205-237].

Мифическое время явилось периодом для создания основных первообразов, архетипов: «Реальные достижения культуры, формирование социальных отношений в историческое время и т. п. проецируются в мифическое время и сводятся к однократным актам творения. Важнейшая функция мифического времени и самого мифа – создание модели, примера, образца» [Мелетинский, 1990, 634]. В этом случае приходится говорить о перенимании литературой *силы* мифа и фольклора, об этом точно написала еще О.М. Фрейденберг: «То, что впоследствии составляет литературные сюжеты и жанры, создается именно в тот период, когда нет еще ни жанров, ни сюжетов. Они складываются из мировоззрения первобытного общества, отлитого в известную мифологическую систему; когда смысл этого мировоззрения исчезает, его структура продолжает функционировать в системе новых осмыслений» [Фрейденберг, 1936, 118-119]. Тогда во многом странные и *необъяснимые* места в русской словесности можно попытаться понять через призму фольклорной эстетики. К тому же авторы, к которым обращаются исследователи с позиций апофатического метода, хорошо знали русскую и мировую народную культуру. Исследований на эту тему в литературоведении еще не так много, но появляются отдельные статьи об апофатике в художественном мире В.А. Жуковского [Елепова, 2012], А.И. Введенского [Татарина, 2011], М.И. Цветаевой, в современной литературе [Энгстрем, 2010]. В поэтике первого это состояние связывают с невыразимостью категории красоты, в поэтике второго – с непознаваемостью мира («ночью ума») и его инвариантностью. Анализируя стиль и разбирая синтаксическую структуру стихотворений и поэм Цветаевой, В.П. Раков вводит понятие *меона*, которое связано не с логосным бытием, выражающимся в поэтике не редко посредством тире или отточия [Раков, 2010]. В современной литературе апофатизм также связывают с формой (на примере творчества Д.А. Пригова).

Как видим, апофатика этих авторов сопряжена с разными культурными категориями, но все они несут семантику *невыразимого*. Подобным статусом в культуре обладает и категория *смерти*. В статье «Философская танатология или апофатическая философия?» В.В. Варава проводит тонкую грань между танатологией и апофатикой [Варава, 2013], ведь обе приближаются к невозможному, т. е. объяснению феномена смерти. Также К.Л. Харт Ниббриг в своем труде «Эстетика смерти», не употребляя понятие «апофатика», пишет о смерти как неизреченном, о «невозможности изобразить конец жизни» [Харт Ниббриг, 2005, 10]. Таким образом, апофатические состояния в словесном творчестве приближаются к поискам (влечению) Танатоса. Однако последнее в русском космо-психо-логосе следует рассматривать в контексте архаического мировоззрения человека, для которого смерть – точка перехода, она воспринимается в *космическом* ключе.

Поиски «иноного царства» или апофатическое для русского человека

По законам народной антропологии, душа отделяется от тела и уходит в мир предков, где имеет зримый образ [Народная демонология..., 2012, т. 2, 16]. Отсюда в обрядовом фольклоре, причеты и мотив обращения к умершим, даже мотив воскресения умершего,

ожившего покойника, архетип «родного покойника» [Тростина, 2017]. Но и многое другое в фольклоре указывает на сознательный поиск «того света» или «иноного царства»². В первую очередь, конечно, вспоминается русская сказка с иерархией *медного – серебряного – золотого царства*³ и чудесными средствами (ковер-самолет, сивка-бурка и т. д.), которые, по тонкому поэтическому прозрению Велимира Хлебникова, дают возможность человеку «перегнать зарницу и крикнуть “стой” падающей звезде»⁴ [Хлебников, 1986, 594]. Однако это распространяется не только на характер поиска «иноного царства», но и на сам тип культурного героя. И в сказке, и в былинах обнаруживаем героя, зачатого от человека и животного (сказка об Иване Медвежье Ушко [Бернштам, 2011], былина о Скольничке/Скольнике, сыне Ильи Муромца, былина о Волхе Всеславовиче), и в этом также кроется *чудесный*, даже фантастический элемент уже для современного человека. Наконец, в прикладном искусстве и архитектуре, в строении русской избы наблюдаются звериные мотивы, «конский» и «птичий» орнамент, который напоминает нам о том, что дом – особый *космос* для русского человека. «Крылатый конь, уносящий героя в тридцатое царство, может оказаться на кровле. Все возможно в сказке и в народном изобразительном искусстве» [Василенко, 2011, 86]. Но все это требует подробного комментария в наши дни. В русской литературе этот *поиск* не исчез, а укрепился и трансформировался в поэтике А.С. Пушкина, в его *неведомых дорожках* («Руслан и Людмила»), в поэтике М.Ю. Лермонтова, в странной словесной песенной *перебранке* между Печориным и девушкой-ундиной («Тамань»), в известном стихотворении А.К. Толстого «Колокольчики мои», в котором выражена формула русской жизни («конь несет меня лихой, – А куда? не знаю!»).

Заключение

Переходная эпоха с кризисом реализма, с появлением новых художественных программ, течений и направлений также не ушла от исканий «иноного царства», а даже больше приблизилась к ним. Символисты это осуществляли через теорию символа, футуристы – через язык, заумь, имажинисты – через образ. И у каждого была своя «Инония» (Есенин), «Китеж-град» (Клюев), Грен-лап-люб-ландия (Маяковский) и т. д. Все это дает основания не только говорить о танатологических мотивах, которые, конечно, были распространены в литературе авангарда, но и поставить вопрос о мощном взаимодействии литературы и фольклора, через призму которого можно совершенно иначе посмотреть на *апофатические состояние* и *эффекты* в русской словесности, вынося за скобки биографии поэтов⁵.

В этой статье мы лишь наметили возможные пути изучения *апофатического* элемента в русской поэзии XIX – начала XX в., преимущественно через *диалектическую связь* литературы с фольклором и мифом. Под апофатическим подразумеваем *необъяснимое* через рациональное познание мира и *невывразимое* через доступные языковые средства, моносемантные лексемы.

² Выражение из лекции Е.Н. Трубецкого.

³ Сказки с сюжетом «Три подземных царства» (№ 301А).

⁴ Заметка «О пользе изучения сказок» 1915 г.

⁵ Говорим об этом потому, что в последнее время все больше появляется работ, в которых многие вещи в поэтике Есенина, Маяковского связывают с их «скандальной» жизнью, болезненными состояниями и настроениями, проецируя это на творчество.

Библиография

1. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа: статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М.: Индрик, 1996. 638 с.
2. Бернштам Т.А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 371 с.
3. Варава В.В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2. Вып. 23. С. 112-117.
4. Василенко В.М. Русское народное искусство: содержание, стиль, развитие. М.: РГГУ, 2011. 166 с.
5. Дудкин В.В. «Невыразимое» у Данте, Гете и Достоевского // Проблема исторической поэтики. 2012. Вып. 10. С. 86-113.
6. Елепова М.Ю. Эстетика В.А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. С. 176-178.
7. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 408 с.
8. Коршунков В.А. Мифоритуальные основы восточнославянского детского фольклора: заговорная формула в потешке «Сорока» // Традиционная культура и мир детства. Нижний Новгород, 2002. С. 92-96.
9. Левинтон Г.А. Заметки о зауми. 1. Дыр, бул, шыл // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3. С. 160-174.
10. Мелетинский Е.М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
11. Михайлова М.Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 472-476.
12. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80-90-х годов XX века. М., 2012. Т. 2. 800 с.
13. Раков В.П. Меон и стиль. Иваново; Шуя, 2010. 447 с.
14. Татаринова О.В. Принципы апофатической поэтики в творчестве А.И. Введенского // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 357-359.
15. Топоров В.Н. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. 329 с.
16. Тростина М.А. Архетип «родного покойника» в устных народных рассказах русских и мордвы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-2. С. 29-32.
17. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. Л.: Гослитиздат, 1936. 454 с.
18. Харт Ниббриг К.Л. Эстетика смерти. СПб., 2005. 420 с.
19. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 734 с.
20. Цивьян Т.В. Наблюдения над категорией определенности/неопределенности в поэтическом тексте // Категория определенности/неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 140-169.
21. Энгстрем М. Апофатика и юродство в современной русской литературе // Journal of Slavic languages and literatures. 2010. No. 51. P. 129-140.

The apophatic in Russian culture: the problem statement. From folklore to literature

Marianna A. Dudareva

PhD in Philology, Doctoral Student,
Shuya branch of Ivanovo State University,
Senior Lecturer at Department of the Russian language No. 2,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Abstract

The article deals with the apophatic component of Russian culture as a complex philosophical problem. Special attention is paid to linguistic phenomena, lexical units bearing negative semantics (inexpressible, unspeakable, unknown, etc.), as well as folklore images associated with the aesthetics of the inexpressible and foreign reality. In Russian literature, the aesthetics of the inexpressible was

discovered by V.A. Zhukovsky. The concepts "apophatics" and "apophatic" have been widely used in the articles of literary scholars and philosophers for the last ten years, the scholars going beyond the theological sphere. Apophatics in literature is associated with the unexplained, the inexpressible in terms of the available language means. Poetic texts are especially apophatic because poetry is metaphorical, and there lies a myth behind a metaphor. This leads to studying the relationship between literature and myths, the dialectical triad "myth – folklore – literature". The apophatic tradition in the Russian national image of the world is associated not only with the possible denial of the definitions of the divine essence, but also with the folkloric archaic worldview, with the search for the "other kingdom", the mortal component of culture. Thanatos is also difficult to explain, like other forms of the Absolute (Beauty, Eros), with which the apophatic effect is associated in poetics by V.A. Zhukovsky, F.I. Tyutchev, M.I. Tsvetaeva.

For citation

Dudareva M.A. (2020) Apofaticheskoe v russkoi kul'ture: postanovka voprosa. Ot fol'klora k literature [The apophatic in Russian culture: the problem statement. From folklore to literature]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (2A), pp. 53-59. DOI: 10.34670/AR.2020.98.89.006

Keywords

Russian culture, apophatic tradition, inexpressible, Russian literature, poetics, folklore, myth.

References

1. Afanas'ev A.N. (1996) *Proiskhozhdenie mifa: stat'i po fol'kloru, etnografii i mifologii* [The origin of the myth: articles on folklore, ethnography, and mythology]. Moscow: Indrik Publ.
2. Bernshtam T.A. (2011) *Geroi i ego zhenshchiny: obrazy predkov v mifologii vostochnykh slavyan* [The hero and his women: the images of ancestors in the mythology of the East Slavs]. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.
3. Dudkin V.V. (2012) "Nevyrazimoe" u Dante, Gete i Dostoevskogo [The "inexpressible" in works by Dante, Goethe, and Dostoevsky]. *Problema istoricheskoi poetiki* [The problem of historical poetics], 10, pp. 86-113.
4. Elepova M.Yu. (2012) Estetika V.A. Zhukovskogo v apofaticheskoi kontekste [V.A. Zhukovsky's aesthetics in an apophatic context]. *Diskussiya* [Discussion], pp. 176-178.
5. Engström M. (2010) Apofatika i yurodstvo v sovremennoi russkoi literature [Apophatics and foolishness in modern Russian literature]. *Journal of Slavic languages and literatures*, 51, pp. 129-140.
6. Freidenberg O.M. (1936) *Poetika syuzheta i zhanra: period antichnoi literatury* [The poetics of plots and genres: the period of ancient literature]. Leningrad: Goslitizdat Publ.
7. Hart Nibbrig C.L. (1989) *Ästhetik der letzten Dinge*. Frankfurt am Main. (Russ. ed.: Hart Nibbrig C.L. (2005) *Estetika smerti*. St. Petersburg.)
8. Khlebnikov V. (1986) *Tvoreniya* [Works]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
9. Korshunkov V.A. (2002) Miforitual'nye osnovy vostochnoslavianskogo detskogo fol'klora: zagovornaya formula v poteshke "Soroka" [Mithoritual foundations of East Slavic children's folklore: the charm formula in the nursery rhyme "Soroka"]. In: *Traditsionnaya kul'tura i mir detstva* [Traditional culture and the world of childhood]. Nizhny Novgorod, pp. 92-96.
10. Levinton G.A. (2005) Zametki o zaumi. 1. Dyr, bul, shchyl [Notes on educanto. 1. Dyr, bul, shchyl]. In: *Antropologiya kul'tury* [Cultural anthropology], Vol. 3. Moscow, pp. 160-174.
11. Meletinskii E.M. (1990) Obshee ponyatie mifa i mifologii [The general concept of myths and mythology]. In: *Mifologicheskii slovar'* [Dictionary of mythology]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
12. Mikhailova M.Yu. (2016) Khudozhestvennaya apofatika russkogo fol'klora [Artistic apophatics of Russian folklore]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 21 (2), pp. 472-476.
13. *Narodnaya demonologiya Poles'ya: publikatsii tekstov v zapisyakh 80-90-kh godov XX veka* [The folk demonology of Polesie: publications of texts in the records of the 1980s and the 1990s] (2012), Vol 2. Moscow.
14. Rakov V.P. (2010) *Meon i stil'* [Non-being and style]. Ivanovo; Shuya.
15. Tatarinova O.V. (2011) Printsipy apofaticheskoi poetiki v tvorchestve A.I. Vvedenskogo [The principles of apophatic

-
- poetics in the works by A.I. Vvedensky]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 7, pp. 357-359.
16. Toporov V.N. (1988) *Arkhaicheskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [Archaic rituals in folklore and early literary monuments]. Moscow: Nauka Publ.
 17. Trostina M.A. (2017) Arkhetip "rodnogo pokoinika" v ustnykh narodnykh rasskazakh russkikh i mordvy [The archetype of the "deceased relative" in oral folk tales of the Russians and Mordvins]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 5-2, pp. 29-32.
 18. Tsiv'yan T.V. (1979) Nablyudeniya nad kategoriei opredelennosti/neopredelennosti v poeticheskom tekste [The category of definiteness/indefiniteness in a poetic text]. In: *Kategoriya opredelennosti/neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [The category of definiteness/indefiniteness in Slavic and Balkan languages]. Moscow: Nauka Publ., pp. 140-169.
 19. Varava V.V. (2013) Filosofskaya tanatologiya ili apofaticheskaya filosofiya? [Philosophical thanatology or apophatic philosophy?] *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Proceedings of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2 (23), pp. 112-117.
 20. Vasilenko V.M. (2011) *Russkoe narodnoe iskusstvo: sodержanie, stil', razvitie* [Russian folk art: the content, style, development]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
 21. Zhirmunskii V.M. (1977) *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka Publ.
-